

HANNA KOWALSKA-STUS. KULTURA I ESCHATOLOGIA. MOSKWA WIEKU XVII. [КУЛЬТУРА И ЭСХАТОЛОГИЯ. МОСКОВСКАЯ РУСЬ XVII В.]. KRAKOW: WIDAWNICTWO UNIwersYTWTU JAGIELLOŃSKIEGO, SERIA: PRACE KATEDRY ROSJOZNAWSTWA UNIwersYTETU JAGIELLOŃSKIEGO. – 9. 2007. – 281 S.

Отечественные исследователи российской истории XVII в. сравнительно редко обращались к вопросу о связи его жутковатых социальных коллизий с духовным кризисом, поразившим народные массы в связи с правлением Ивана Грозного. Тем интереснее подход, предложенный известной польской исследовательницей Ханной Ковальской-Стус, профессором Ягеллонского университета города Краков (Польская республика), не скрывающей своего намерения показать связь происходящих в рассматриваемый период событий с особенностями русской православной традиции – скорее пластичной, нежели догматичной¹.

Несомненно, современному историку совершенно очевидно, что эсхатологический компонент религиозного сознания не мог не оказать существенного влияния на возникновение и, главное, течение кризисных ситуаций в России. Но как это происходило? Как смотрятся с такой позиции важнейшие события XVII в.? Эти вопросы особенно важны, так как современные исследователи во всё большей степени склонны сравнивать Смутное время и его последствия с событиями новейшей российской истории².

¹ Этому, в частности, была посвящена её предыдущая книга: *Kultura staroruska X–XVI w. Tradycja i zmiana*. – Krakow, 1998.

² *Ахизеэр А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? – М., 2005; *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М., 2005; *Он же.* Смысл, логика и форма русских революций. – М., 2007; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; *Он же.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. – М., 2007.

Доказательная часть монографии основывается на источниках, которые вряд ли можно отнести к числу малоизвестных (житийная литература, богословские труды и т. п.). Но нельзя не обратить внимания на то, что их толкование оказывается весьма глубоким и оригинальным.

В первом разделе монографии («Jaka była kultura Rusi Moskiewskiej i jak o niej pisanie») рассматривается культура Московской Руси в её соотношении с византийской традицией. Соответственно этому оцениваются и споры современников и последующие историографические концепции об их взаимосвязи. Автор показывает, что в русской культуре изначально было заложено противоречие между духовным началом с его мощными исихастскими установками и политико-идеологическим компонентом, призванным примирить право и мораль. Уже в XVI в. внешние формы жизни в московском государстве подвергались столь быстрым изменениям, что в духовно-культурной жизни обнаружилось кризисные явления, воплотившиеся в видимом конфликте государства и церкви. Былая диархия, основанная на христианской эсхатологии, стала уступать место правовым взаимоотношениям между этими институтами. Как результат, русская культура переживала кризис «православной концепции человека», что не могло не сказаться в последующее время (S. 42).

Соответственно этому представлению назван второй раздел монографии – «Jedna wlara dwie kultury», который в значительной степени посвящён анализу коллизий православной культуры в пределах Польско-Литовского государства и Речи Посполитой. Здесь, в отли-

чие от Московской Руси, все элементы православной культуры, включая литургию, подверглись существенной латинизации. В ходе исследования Н. Kowalska-Stus тонко подметила следующую деталь: хотя православные иерархи на протяжении длительного времени сопротивлялись не только церковной унии, но и любым попыткам «латинизации» веры (S. 60–64), в процессе полемики с католическими богословами они усваивали схоластические элементы восприятия христианской веры. Разумеется, православие эволюционировало, это была «реформа без реформации», что со временем и вызвало конфликт в московской православной среде, апогеем которого стал церковный раскол (S. 79–81).

В основе раскола православия, считает автор, лежит противоречие между «Духом и Разумом», которое так и не удалось преодолеть в московской культурной среде. Именно этому посвящён третий раздел книги – «Pneuma et ratio». Как известно, русская святоотеческая литература всегда противостояла попыткам рационального утверждения веры, ведущим своё начало от Аристотеля и Фомы Аквинского. Тем не менее, в православных семинариях и академиях в полном смысле слова господствовал аристотелевский дух (S. 108, 114). Какая же тенденция победила? Какое воздействие оказало на этот процесс Смутное время? Об этом идёт речь в следующем разделе книги.

Он назван примечательно: «Упадок Третьего Рима. Рождение Нового Иерусалима» (Upadek III Rzemu. Narodziny nowej Jerozolimy) – и начинается с параграфа, посвящённого Смуте, которая, по мнению автора, наложила заметный отпечаток на последующее культурно-историческое развитие России (S. 143–144). Спасение от Смуты пришло при осознании лучшими представителями народа необходимости жертвы во имя общего дела (S. 157). Но это предполагало поражение московских культур-

ных элит (S. 158) и победу «символического православия» (S. 167). Совершенно не случайно, считает автор, в 2005 г. был установлен праздник избавления от Смуты и гражданского согласия – 4 ноября (S. 168). Думается, однако, что здесь не обошлось без преувеличения: российские исследователи полагают, что это решение было скорее продиктовано желанием предать забвению новую «большевистскую смуту», годовщины которой официально отмечались 7 ноября.

Опыт Смуты отверг надежды на то, что гармоничное общество может быть построено на основании формального права. В условиях его деформации под давлением известного рода традиций возник острейший конфликт личного и общественного интереса, разлагающий социумы и парализующий государственный механизм. Поскольку социальное пространство иерархично, во главу угла его жизнедеятельности не могут быть поставлены чисто земные интересы – следует стремиться к тому, чтобы не заглушить заданный свыше смысл жизни. Но на этом же пути Россию ожидало движение в сторону политического изоляционизма, связанного с тем, что государство чисто механически заимствовало институты Запада, отчуждаясь от него духовно. Соборное уложение 1649 г., которое вслед за В.О. Ключевским автор оценивает как памятник формального права, положило начало развитию секуляризованного правосознания российских элит (S. 190).

В пятом разделе (W stronę Śwłata racjonalnego ladu) Н. Kowalska-Stus постаралась показать, что движение в сторону правового государства началось ещё до начала Смуты в связи с литературными выступлениями Федора Карпова, Андрея Курбского, Феодосия Косого и других сторонников правового ограничения самодержавной власти (S. 216), достигнув своего крайнего выражения в трактате Ивана Хворостинина

«Словеса дней, и царей, и святителей московских» (S. 223). По мнению автора, всё это можно отнести к отдалённым отголоскам европейского Возрождения (S. 235–236). Разумеется, в русской культуре присутствовала и провизантийская ориентация, но она не оказала на неё существенного влияния. Напротив, «латинствующие» киевские богословы привили русской религиозно-общественной мысли схоластическое отношение к проблемам веры. Так, несмотря на официальное осуждение, Симеон Полоцкий сыграл важную роль в секуляризации *русской* культуры и реформировании церковных обрядов. В результате всего этого *российская* светская культура заметно разнообразилась и стала развиваться по канонам, далеким от православия (S. 245). Остаётся только добавить, что в перспективе это было чревато разрастанием ещё более грандиозного внутриимперского конфликта по линии противостояния государства и нарождающегося общества.

В заключении автор подчёркивает, что русская культура, наследующая эсхатологическую христианскую традицию, всякий раз попадала в кризисную ситуацию при столкновении с латинским христианством, исповедующем идеи истории и прогресса, а не эсхатологического Спасения. Результатом этого становилось не только широкое распространение в России западной философии религии, но и возникновение всевозможных светских политических утопий (S. 255). Так Hanna Kowalska-Stus раскрывает поставленную проблему.

Разумеется, книга не лишена известной односторонности. Автор, так или иначе, даёт понять, что уния открывала возможности иного, менее кризисного пути развития России. Соответственно, взаимоотношения с внешним – в первую очередь западным – миром могли бы строиться на более гармоничной основе. С этим вряд ли можно согласиться – отход от идеалов православной диархии с начала XVIII в. оказался столь стремительным, что российская государственность легче находила язык с внешним миром, нежели со своими собственными подданными, основная масса которых пребывала в плену синкретичных (фактически дохристианских) миропредставлений.

Представляется, однако, что значение (и значимость) книги в другом: из её содержания следует «подсказка», как и почему в России столь основательно усваивался эсхатологический компонент православной веры, а порождённые им представления прочно внедрились и утверждались в синкретичном сознании масс. Именно этот фактор оказал и оказывает колоссальное влияние на судьбы России до сих пор.

В целом, не приходится сомневаться, что польская исследовательница предложила интереснейшую работу, способную основательно пополнить наши представления об особенностях отечественной культурной истории.

Т.Г. Леонтьева

*д-р исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории
Тверского госуниверситета*